

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.48>

Кошева Астра Шагабановна

[Специфика выражения эвиденциальности и миративности в карачаево-балкарском языке](#)

Цель исследования - выявление специализированных средств выражения эвиденциальных значений в карачаево-балкарском языке. Объект исследования - лексические и лексико-грамматические средства экспликации различных коннотаций эвиденциальности. Научная новизна: в карачаево-балкарском языке анализируемые средства впервые описываются с использованием современных теоретических подходов. Постулируется наличие в языке определенных лексических и лексико-грамматических средств выражения эвиденциально-миративных значений, которые маркируются вводно-модальными словами, словосочетаниями и вводными предложениями. Результаты свидетельствуют, что на фоне других родственных языков карачаево-балкарский язык обладает довольно развитой системой исследуемых средств выражения категории эвиденциальности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/10/48.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 242-248. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/10/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.48>

Дата поступления рукописи: 30.07.2020

Цель исследования – выявление специализированных средств выражения эвиденциальных значений в карачаево-балкарском языке. **Объект исследования** – лексические и лексико-грамматические средства экспликации различных коннотаций эвиденциальности. **Научная новизна:** в карачаево-балкарском языке анализируемые средства впервые описываются с использованием современных теоретических подходов. Постулируется наличие в языке определенных лексических и лексико-грамматических средств выражения эвиденциально-миративных значений, которые маркируются вводно-модальными словами, словосочетаниями и вводными предложениями. **Результаты** свидетельствуют, что на фоне других родственных языков карачаево-балкарский язык обладает довольно развитой системой исследуемых средств выражения категории эвиденциальности.

Ключевые слова и фразы: эвиденциальность; экспликация; коннотация; лексические средства; миративность; вводно-модальные слова; вводные предложения; карачаево-балкарский язык.

Кошева Астра Шагабановна, к. филол. н.
Северо-Кавказская государственная академия, г. Черкесск
kosheva57@bk.ru

Специфика выражения эвиденциальности и миративности в карачаево-балкарском языке

В последние десятилетия категория эвиденциальности стала объектом пристального внимания в отечественной и зарубежной лингвистике, что обусловлено универсальностью ее характера и принадлежностью к важнейшим параметрам коммуникации. Данная категория выделена и описана во многих языках, в то время как в грамматике современного карачаево-балкарского языка данный вопрос не освещен, не изучены типы эвиденциальности и средства их выражения. Определенные замечания, связанные с основными параметрами данной категории, содержатся в нашей работе [18]. **Актуальность** темы исследования определяется отсутствием системного исследования данной категории в карачаево-балкарском дискурсе, а также важностью сопоставительного изучения своеобразия проявлений данной категории в языках мира.

В ходе исследования представляется необходимым решить следующие **задачи:** изучить репрезентацию различных коннотаций эвиденциальности в карачаево-балкарском дискурсе и проанализировать особенности экспликации эвиденциальности и миративности на уровне лексики и грамматики.

В качестве источников фактического материала были использованы произведения карачаево-балкарской художественной прозы и данные Карачаево-балкарско-русского словаря. Данные словарных дефиниций используются при анализе лексических средств репрезентации исследуемой категории. Иллюстративные материалы без отсылки взяты из Грамматики карачаево-балкарского языка и полевых материалов автора. Перевод всех первоисточников выполнен автором статьи.

Изучение эмпирического материала проводилось на основе комплексного использования различных **методов**, включая лингвистическое наблюдение, традиционный семасиологический подход «от формы к содержанию», а также приемы дискурсивного и контекстуально-ситуативного анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды зарубежных и отечественных исследователей: Е. В. Падучевой, Н. А. Козинцевой, Д. В. Козловского, О. А. Кобриной, Е. Н. Астаховой, А. Ю. Айхенвальд, В. Фридмана, Т. Петерсона, Б. Вимера и других ученых, изучавших категорию эвиденциальности, ее семантические признаки, формы ее выражения и их режимы интерпретации.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты проведенного анализа можно использовать при создании теоретической грамматики исследуемого языка, а также в лингвистических исследованиях для уточнения специфики эвиденциального маркирования на разных языковых уровнях.

Под эвиденциальностью в данной работе понимается источник сведений о сообщаемом факте или о способе их получения [25, р. 1]. Как следует из данного определения, помимо прямого источника информации средства экспликации эвиденциальности маркируют и другие способы получения информации, которые носят косвенный характер. Категория эвиденциальности в настоящее время достаточно подробно исследована во многих языках [7; 9; 13; 22-24].

Анализ этих исследований свидетельствует о том, что в тюркских языках семантическое пространство эвиденциальности вербализуется совмещенными и специализированными средствами [6, с. 153]. К первым относятся вторичные употребления глагольных наклонений, в первую очередь формы изъявительного наклонения. Вторые представлены аналитическими формами и конструкциями с участием служебных или функционально-модальных глаголов, но в то же время много и лексических средств – слов, словосочетаний и оборотов [9, с. 24]. При экспликации эвиденциально-миративных значений происходит взаимодействие грамматического и лексического уровней. В связи с этим возникает необходимость интеграционного подхода к осмыслению семантики эвиденциальности и инвентаризации эвиденциальных форм отдельных языков с применением их комплексного изучения.

В современной лингвистике все больше внимания уделяется семантическому потенциалу языковых единиц и их функционированию в дискурсе. В области исследований категории эвиденциальности это находит отражение в разнообразии эвиденциальных тем и активизации исследований неграмматических маркеров выражения эвиденциальности в работах многих исследователей [14; 16; 17; 27; 28]. В связи с этим Т. Петерсон отмечает начало нового этапа в исследованиях эвиденциальности – переход к систематическому рассмотрению эвиденциальных маркеров на разных языковых уровнях (синтаксис, семантика, прагматика) [27, р. 2].

В карачаево-балкарском языке (далее – КБЯ), так же как и в родственных тюркских языках, эвиденциальность является глагольной категорией. Однако результаты последних исследований (Кошева А. Ш. Репрезентация эвиденциальности в карачаево-балкарском языке // Вестник ЧГПУ. 2020. № 3 (108) (в печати)) свидетельствуют, что содержание данной категории гораздо шире понятия наклонения и в круг средств выражения эвиденциальных значений попадают различные синтаксические конструкции и лексические средства. В совокупности эти эвиденциальные средства, представляющие различные уровни языка, составляют систему. Система эвиденциальных средств и способы их оформления зависят от общих строевых особенностей конкретного языка, от соотношения морфологии и синтаксиса в оформлении высказывания, от наличия специальных включений и др. [11].

В тюркских языках семантическая категория эвиденциальности характеризуется грамматическими средствами, которые используются, прежде всего, для обозначения косвенной засвидетельствованности [6, с. 152]. Последняя, в свою очередь, подразделяется на следующие структурно-семантические подвиды – цитатив (пересказывательное значение), инферентив (описываемая ситуация «восстанавливается» на основании её результата или следствия) и презумптивы, которые основаны на логических соображениях говорящего.

К числу эвиденциальных показателей относят также слова и категории с адмиративным (или миративным) значением. Согласно классификации В. Фридмана [26], эвиденциальные показатели представлены двумя типами – конфирмативными (= ‘witnessed’) и неконфирмативными. Последние могут быть успешными (= нейтральными) или неуспешными миративными. Дальнейшая градация неконфирмативных показателей свидетельствует о том, что они «могут выражать либо приятие полученной информации, и тогда они выражают удивление, т.е. именно адмиративность в собственном смысле слова, либо неприятие, и тогда та же самая грамматическая форма выражает отрицание, т.е. сомнение, вплоть до сарказма» [21].

Данные лингвистического анализа свидетельствуют о наличии перечисленных подвидов эвиденциальности в карачаево-балкарском дискурсе. В данной статье мы рассмотрим формальные лексические и лексико-грамматические средства репрезентации этих значений.

Выражение цитативного значения. Цитатив, или пересказывательное значение, эксплицирует промежуточный акт коммуникации [13, с. 19], когда сообщение говорящего основано на информации, переданной другим лицом.

Пересказывательная эвиденциальность, согласно результатам исследования, имеет значительный объем в исследуемом языке. Для оформления косвенной пересказывательности в карачаево-балкарском языке используются цитативные показатели, которые сигнализируют, что говорящий не является свидетелем описываемой ситуации. Одним из распространенных лексико-синтаксических средств выражения пересказывательной эвиденциальности являются вводные словосочетания, вводные предложения и вводно-модальные слова. Указание на источник информации может выражаться с помощью вводных предложений, указывающих на неодушевленные или обобщенные источники информации: *халкъны айтыууна кёре* ‘как гласит молва’, *айтыуларына кёре* ‘по слухам’, *айтучандыла* ‘говорят (имеют обыкновение говорить)’ и др. Рассмотрим примеры:

Халкъны айтыууна кёре, дуняда болмагъанча, аллай бир джаман адамды [19, с. 120]. / *Молва гласит, что он ужасный человек; Айтучандыла Къобанга Худес къошулган джерден джашла атларына суу ичирмей эдиле* [8, с. 177]. / *Говорят / как гласит молва, в том месте, где Худес впадает в Кубань, раньше даже лошадей не поили.*

Такие выражения обычно включаются в текст, но иногда могут сопровождаться эвиденциальными показателями в рамках одного предложения:

Да мен ала-чола хапарла болмаса, толу билген затым джокъду. Айтыуларына кёре, тебендин ким эсе да бир джангы адам келиб, буйрукъну ол бергенди, дейдиле. Бусагъатда ол, пристопну да, аны негери офицерни да, Баймурзаны да, Къаншаубийни да правленге джыйыб, не затланы юсюнден эсе да селешеди, дейдиле. Андан сора менге белгили зат джокду [19, с. 114]. / *Да у меня лишь обрывочные сведения, полной картины нет. По слухам, из центра приехал новый чиновник, и будто бы это его указание. Говорят, что сейчас он, пристав со своим другом офицером, Баймурза и Къаншаубий что-то обсуждают в правлении. Больше я ничего не знаю;*

Пристопха иги джалатхан болур, кереги бла ат ийе айланган хапары бар эди [2, с. 318]. / *Наверное, хорошо подмазал пристава: ходили слухи, что он собирался подарить тому коня под седлом.*

Семантика высказываний с эвиденциальным значением может быть связана с эксплицитным указанием на источник информации говорящего, на основе которого строится высказывание. Для выражения эвиденциального значения «цитатив» могут служить вводные предложения и вводные словосочетания, в которых существительное или местоимение обозначает источник информации. В этом случае вводные маркеры эвиденциальности вводят в текст источники информации:

Разведка табхан хапаргъа кёре, бирсиюн танг аласы бла Шкуро Уллу Стансеге кирирге мурат этеди [19, с. 258]. / *По сведениям разведки, послезавтра на рассвете Шкуро собирается ввести войска на Большую станцию;*

Насра Ходжаны хапарынлай, бара-баргъан заманда не ала ёлорле, не эшек ёлор, не биз... Биз а ёлмегзе кюреширбиз, аллах айтса [Там же, с. 131]. / Как говоривал Ходжа Насреддин, со временем или они помрут, или осел содохнет, или мы умрем... А мы уж постараемся не умереть, с божьей помощью;

Атам айтыучан эди, хариб, кесим кёрмегенме, – деб, сейирсиндирди Баладжан [8, с. 177]. / «Отец мой покойный, бывало, рассказывал, я сама не видела», – удивила всех Баладжан;

Къалай болгъанды, бир хапар айт. Бирибизни хапары джокъду, – деб тиледи Оруслан. – Мен эшитгенне кёре, алайды [Там же, с. 158]. / Расскажи, как было. Мы ничего не знаем, – попросил Оруслан. – По моим сведениям, дело обстоит так.

В некоторых случаях говорящий может цитировать и собственную речь:

Да, айтханымча, сени болушдугъунг керек болады [19, с. 124]. / Как я и говорил уже, нужна твоя помощь;

Энди иш алайды, Бийнегер. Бусагъатда мен сенге айтырыкъ затны, сен толтурургъа керексе. Айтханымча, Къарачайгъа джангы пристоп салыганды. Бирсиюн ол, бизни элден баилаб, эл-элге барыб, шагърей болуб тебрегенди, дейдиле [Там же, с. 128]. / Дело обстоит так, Бийнегер. Все, что я тебе сейчас скажу, ты должен исполнить. Как я и говорил, в Карачай назначен новый пристав.

Передаваемая информация может содержать эмоциональную оценку в ситуации, когда говорящий желает придать сведениям характер категорического утверждения:

Мен энгда къайтарыб айтама, бизни барыбыз бла болмаса да бирибиз, экибиз бла хапарлы болгъанлай турургъа керек эки [Там же, с. 113]. / Я еще раз повторяю, хотя бы один из нас должен держать его в курсе.

Выражение инферентивного значения. В рамках косвенной засвидетельствованности мы выделяем в карачаево-балкарском языке инферентивные высказывания, которые позволяют говорящему посредством ретроспективного умозаключения сделать вывод о том, что ситуация имела место [24, с. 90].

Эмпирический материал свидетельствует о наличии в исследуемом языке средств, обозначающих области познания говорящего, например, информация может быть получена посредством логического умозаключения:

Айыб етме, Батал, ауузунга чабхаными, алабары да бош хапарладыла: быллага акъыл салыб айланган Къанаматды, бириси кече элни аякъ юсюне миндириб, аланы тынчлыкъларын бузгъан Канамат болгъанды. Алай бир иш этмезлик болуб, эл-элге кириб айланлыкълар тыл эди, мен анга ишексизме, – деди [19, с. 114]. / Извини, Батал, что перебиваю, но все это не так: их подбивает Къанамат, это он позапрошлой ночью взбудоражил всех. Неспроста он ходил по домам, – я в этом уверен.

Инферентив репрезентируется при помощи маркера «уверенности в знании» [15, с. 336] – вводного предложения *мен анга ишексизме*.

Нами выявлены эвиденциальные значения, совмещенные с субъективным модальным значением достоверности, которые маркируются модальными словами, модальными глаголами, а также финитной формой глагола *кёрюнорге* (переводной эквивалент – *казаться, представляться*):

Да пристопла болмай амал болмагъандан ары, ол биринден эсе муну кёб да алама; биода къурмай эсе да гюнахсыз адамлары къыйнамазча кёрюнеди, – деб, Харишым Баталгъа къарады [19, с. 117]. / «Ну, если без приставов никак не обойтись, то этот мне больше нравится; судя по виду / кажется, зря никого не обидит», – сказал Харишим, посмотрев на Батала.

Эвиденциальность, как средство выражения авторства, охватывает не только глаголы речи, но и глаголы ментальной деятельности, которые вносят дополнительный модусный компонент значения [10, с. 86]:

Къарча бери келирге ёчду. Алай а, келиб, къууаныб, эрлей ызына ашыгъыб кетеди. Бери келиб, мийикден къараб бир затны излезгенди кёрюнеди. Кеси джангыз, атыда ызындан, иесини халисине юренгенди да, не алай узакъ кетмей отлай, неда къатында симсиребге туруучанды. Иеси тенгиз къараб къозгъалса, аты да ойлаиханча кёрюнеди [8, с. 129]. / Къарча часто приходит сюда. И хотя ему здесь нравится, он очень быстро покидает это место. Словно ищет здесь что-то, взирая сверху. Всегда один, только в сопровождении своего преданного коня, который пасется неподалеку или смиренно стоит рядом с ним. Видя, как море волнуется хозяина, конь тоже как будто задумывается.

Инферентивное значение развивается в цитативное с дополнительным компонентом – ложности пересказываемой пропозиции.

В реализации инференциальной эвиденциальности ментального состояния говорящего принимают участие следующие словосочетания: *кёлюме алай келеди* ‘я думаю/предполагаю’; *мени кёлюме келгенге кёре* ‘как мне кажется’, *тыйынылы кёре эдим* ‘так будет лучше/разумнее’, *мени акъылыма баиша зат келеди* ‘а я вот что думаю’. Рассмотрим примеры:

Петр Васильевич бир кесек тынгылаб туруб, кёзлери ышара айтды:

– *Хайыр, сиз айтханча болсун. Мени кёлюме келгенге кёре, таулу джаишларыбызгъа мадар болгъан чакълы бир болушлукъ берирге керекди. Къалай кёресиз, джолдашла? [19, с. 217]. / Выдержав небольшую паузу, улыбаясь, Пётр Васильевич произнёс: «Ладно, пусть будет по-вашему. Я думаю/полагаю, что мы по мере возможности должны оказывать поддержку нашим горским товарищам».*

В высказываниях, содержащих четкую позицию говорящего, т.е. его абсолютную уверенность в достоверности информации, которой он располагает, эвиденциальная семантика репрезентируется посредством маркера «уверенности в знании» [15, с. 333] *ишексиз* (= безусловно, несомненно, обязательно) или сочетанием *бир ишексиз* (переводные эквиваленты – *вне всякого сомнения, не иначе как, скорее всего*):

Тейри ала Къанаматны туталсала, аяб тумагъандыла. Тутсала да биз андан бир джукъ сезмей турлукъ тыл эдик. Мени акъылыма баиша зат келеди. Была бир ишексиз Къанаматны ызын табыб, тутарыкъларына ишексиз болуб, кеслерин мындан ары халкъа эрши кёргюзмез ючюн, быланы баишларына бош этиб

къойгъандыла [19, с. 277]. / Если бы с тех пор они могли арестовать Канамата, они бы это сделали уже. А если бы это произошло, мы бы знали. **Я вот что думаю** (дословно – вот что приходит мне на ум). **Скорее всего / очевидно**, они напали на след Канамата и, будучи уверены в том, что им удастся его схватить, решили больше не настраивать людей против себя, поэтому и отпустили заключенных.

Выводы говорящего базируются на завершившихся действиях, которые обычно сопровождаются какими-либо признаками, оставшимися после действия или процесса. Анализ иллюстративного материала доказывает, что подобные формы эксплицируют только явные, очевидные доказательства имевшего место события, как, например:

*Абрекле къачхан заманда бугъоу зынгырдайды деб къоркъуб, бир ишексиз бугъоугъа салам тырмык байлаб чыкъандыла. Салам умурла тюмени ичинде полда да къалгъандыла, сора андан чыкъанглай таймай былайгъа деричи салам уалыб келгенди [Там же, с. 289]... / Во время побега разбойники, **скорее всего / очевидно**, обмотали цепи соломой, чтобы не гремели. Следы от соломы остались на полу в тюрьме и ведут оттуда прямо сюда...*

В некоторых случаях говорящий может использовать для своего сообщения «некоторые косвенные данные, на основании которых строит свое умозаключение» [23, с. 144]:

Бир ишексиз аланы чыгъаргъан Къанаматды, тутмакъланы ычхындырыб, эшикни сакълагъан джасауайны бушдукъ тыгъыб тюмеге атыб, киритин салыб кетгенди аузуна [2, с. 276]. / **По всей видимости / Скорее всего**, их освободил Канамат, заткнув кляпом рот часовому у двери и заперев его в тюрьме.

Информация может быть получена посредством чувственного восприятия, которое, в свою очередь, подразделяется на зрительное или основанное на общих ощущениях наблюдение:

*Бу аман Джантемир сылхыр къойча тегерек бурула нек айланады. **Бир ишексиз**, Къанатны тахсасын, берейимми, огъесе бермейми къойяым деб сагъышылы болуб, къалай этерге билмей дыгалас эте айлана **болур** [Там же, с. 230]... / Что-то этот негодяй Джантемир ходит здесь кругами, **очевидно**, пришел, чтобы донести на Канамата, и теперь, **наверное**, не может решиться, раздумывает...*

Эпистемическое наречие, изначально выражающее отсутствие сомнений говорящего относительно сообщаемых фактов, постепенно начинает выражать наличие таких сомнений, т.е. эвиденциальный показатель выходит за пределы эвиденциального круга значений и приобретает эпистемическую семантику неуверенности. Налицо сдвиг значения от инферентивного к цитативному [28].

В следующем примере мультипликативный инферентив [24, с. 92] предоставляет говорящему возможность обсудить несколько вариантов анализируемой ситуации:

*Арабий Къанаматны тургъан джеринден тил этерге келген **болурму**, огъесе башиха къайгъысы **болурму**, алай болса адам бери судге келиб сюелирге ишинг къоюб не къайгъысы болур, **бир ишексиз** тахса берирге келгенди [2, с. 229]. / **Неужели** он пришел, чтобы сообщить о местонахождении Канамата? А что, если он пришел по другому делу? Но что это за дело может быть, чтобы человек, бросив работу, целый день околачивается перед судом? **Наверняка** он пришел донести.*

Наличие в этих высказываниях модального слова *болурму* (= *видимо, по-видимому*) «передает значение предположения; опасения того, что (вероятно) может произойти; выяснения, обнаружения того, что произойдет» [22, с. 71]. Связанные с передачей информации и репрезентацией ее источника средства выражения эвиденциальности «составляют информационный базис высказывания, на который в условиях контекста наслаиваются дополнительные эмоционально-оценочные смыслы и значения, характерные для других модусных категорий» [14, с. 18]. Частица *арабий* (выражающая *любопытство, интерес, желание узнать, сомнение*) не вносит в предложение добавочного лексического значения, с ее появлением связано возникновение особого модального значения, что придает новое значение всей конструкции.

В следующем примере модальное слово *болур* (переводные эквиваленты – *вероятно, пожалуй, кажется*) выражает «эвиденциальное значение предположения, вывода на основе каких-либо сведений, имеющих у говорящего, а также сомнение/неуверенность в передаваемых сведениях» [3, с. 54]:

*Бир белек джаш ала айтханнга сыйыныргъа унамагъан бир адамны, хыны-хуну этиб алыб келгенлерин эследи. Джуужукълашханларынды, юсюнде узун, ийленген эчки териден кепчеги, къаралдым чачы, сакъалы узун, къаралдым кезлю, къуу джаякълы бир уланны алыб келгенлерин эследи. «Эбзелен **болур**», – деб келди Къарчаны келюне [8, с. 189]. / Он заметил группу молодых людей, которые толкали перед собой сопротивлявшегося человека. Когда они приблизились, он разглядел темноволосого, черноглазого, с заросшей бородой и впалыми щеками парня в длинных штанах из овечьей шерсти. «Грузин, **наверное**», – подумал Карча.*

Когда речь идет о непосредственном восприятии и предположении, к выводу говорящего «подталкивают» его знания, жизненный опыт и логика [9]. Важную роль при этом играют сопутствующие элементы контекста.

Анализ дискурсивного пространства КБЯ позволяет выделить в контексте эвиденциальных высказываний «эпифазу» (объективная часть высказывания) и «профазу», эксплицирующую интерпретацию информации субъектом коммуникации. Модусная рамка высказывания в этом случае формируется за счет обращения говорящего к эвиденциальным показателям, например, это могут быть устойчивые словосочетания:

*Чегет асыры къалындан ёзенни ичи къаб-къарангыды. Чегетни тюбюнде, **кюн тиймегени себебли болур**, ханс да джожкуну орнундады [8, с. 129]. / Лес был настолько густым, что в ущелье было темно. Под деревьями, **видимо из-за тени**, почти не росла трава.*

Инференция (презумптив) в этом случае «предполагает мыслительное усилие, устанавливающее причинно-следственные связи» [12, с. 87], т.е. умозаключения говорящего являются результатом обращения к причинно-следственным связям и знаниям об устройстве мира [21].

Выражение адмиративного значения. Практический материал исследования выявил в разговорном дискурсе немало конструкций, выражающих сугубо эвиденциальные значения. Эти конструкции, «...выраженные одним словом или целым словосочетанием, не распадающимся на отдельные слова, встречаются в диалогической речи, вне которой теряют свое значение» [1, с. 110].

В КБЯ существуют оформившиеся обороты речи для репрезентации удивления: *къара сен анга – ты только посмотри / вот это да; Ол деген неди? / Это еще что такое?; Ол не хапарды? / Как это? / Это еще что за новости?; Алай дегенинг? / Как это? / Не может быть.* Анализ семантики этих форм обнаруживает тесную связь между удивлением и недоумением. Например, выражение *кара сен анга* (= *ты только посмотри*), в составе которого присутствует глагол восприятия *кара*, может выражать удивление как перцептивной природы, так и ментальной:

– *Ол кимди? – деб сорду Бияс, къарт тиширыугъа сейирсине.*

– *Текени юй бийчесини, Аланкъызны, карт анасыды, – деди шыбырдаб Оруслан.*

– **Къара сен анга, бир джюз джыл а болган болур, не? Сибилчиге ушайды неси да, акъылы, кёзо джити, джел ургъанча, саны тири, къара сен анга, – деб сейирсиди ачыкъ джюрекли, нени да былай кёргенлей багъасын чыгъара билиучу Бияс** [8, с. 177]. / – *Кто это, спросил Бияс, с удивлением разглядывая пожилую женщину. – Это хозяйка Теке, бабушка Аланкыз, – с улыбкой ответил Оруслан. – Ты только посмотри, ей лет сто, наверное, а? На бабу-ёжку похожа, умная, глаз острый, быстрая, как ветер, вот это да, – искренне удивлялся не умеющий скрывать свои чувства Бияс;*

Хе, хе, хе, иманынг-халкъына, ол чотха бир къара сен? Бир къагъыт бурхугъа къол салдырыр ючюн, сау кюнюнг кетеди [20, с. 208]. / *Эх, вы только посмотрите на это! На подписание только одной бумажки уходит целый день!*

Следующий дискурсивный отрывок передает диалог двух мужчин, которые вдруг узнают, что у их общего знакомого молодого человека родился сын. Эвиденциальная семантика отрывка передается вводной конструкцией *Ол деген неди?*, которую в зависимости от контекста можно перевести как *‘О чем ты говоришь? Этого не может быть! Как это?’*:

– **Алай дегенинг?** – *деб кёзо-башы джарыды Къарчаны. – Мени анам манга къарнашчыкъ табханды. Будуйн аття уа анга Элькъан атагъанды* [8, с. 200]. / – **Да что говоришь?** – *обрадовался Карча. Моя мать родила мне братишку. А дедушка Будиян назвал его Эльканом;*

– *Теке, сора Текени къатыны бармы эди ла? – деди Къарча. – Ол деген неди? – Мен билиб, джожь эди, – деб сейирсинди Оруслан. – Кеси сабийди сора, анга не сабий керекди?* [Там же, с. 155]. / – *Теке? Разве Теке был женат? – спросил Карча. О чем ты говоришь? (= Этого не может быть!)* – *Насколько я помню, не был, – также удивился Оруслан. – Он сам еще ребенок, к чему ему ребенок?*

Таким образом, «средством выражения удивления может быть также отрицание возможности: не может быть!» [21].

Вводные предложения *Ол деген неди? Алай дегенинг?* легко развивают вторичные значения, передавая разные оттенки смысла, и могут эксплицитировать не только удивления, недоумения, но и возмущения: – *Анам, мен бюгюн школгъа бармайма. – Алай дегенинг? / – Мама, я не пойду сегодня в школу. – Это еще что такое / Как это так?*

Следует отметить, что подобные словосочетания, неся в себе внутренний заряд, обладают способностью давать качественную характеристику предмету высказывания. Их способность заключается в том, что они выражают миратив синтаксической функцией речевого построения, т.е. грамматически, без учета лексических (номинативных) значений слов [18, с. 154].

Кроме упомянутых выше средств, в исследуемом языке имеется достаточное количество модальных и эвиденциальных лексем, относящихся к другим частям речи, а также неизменяемых слов-частиц. Последние чаще всего сложносоставные и очень разнообразны по своему значению. Анализ эмпирического материала свидетельствует, что частицы являются весьма выразительным средством выражения эвиденциальных значений на лексико-грамматическом уровне. В анализируемом языке есть набор наиболее употребительных частиц, функционирующих в разнообразных условиях широкого контекста и коммуникативной ситуации в качестве маркеров эвиденциальной семантики. Ниже мы приводим несколько семантических групп модально-эвиденциальных частиц КБЯ:

1. Частицы, выражающие сомнение, удивление (при неожиданном обнаружении чего-либо), субъективную передачу чужой речи (также с оттенком удивления, изумления):

Керти? / *Да ну? / Правда?; Хо сенге? / Да ну? / Не может быть!; Экзаменден беш алдым! – Хо сенге? / Получил пять на экзамене! – Да ну / Не может быть!*

2. Частицы, выражающие восхищение, удивление, убежденность (при поддержке соответствующей интонацией):

Игитта! / *А как же, конечно; Игитта келеме. / Конечно, приду; Къалай игиди! / Как же хорошо!; Ай анасыны уа, къалай игиди сабий тууса! – деди Оруслан* [8, с. 155]. / *Эх, как же хорошо, когда рождается ребенок! – сказал Оруслан.*

3. Вводно-модальная частица **сора** может иметь различные эвиденциальные коннотации в зависимости от контекста:

– *Сора къалай эшитмегенсе?! / Как? Разве ты об этом не слышал?;*

Сора насыбы тутуп да къалгъанды! / Ну и везет же некоторым!;

Барады уа дейсе сора! / А идет-то как!;

Сора ол болгъанны да билиб турады дечи. / Значит он, по-твоему, в курсе всего (= обо всем уже знает); Сора калай этиб къойдунг алай?! / Как же ты такое мог сделать?!

Сфера употребления частицы *сора* свидетельствует, что лексические значения частиц расплывчаты, зависят от контекста, и их употребление ограничено определенными структурными типами предложений [4]. Этим объясняются трудности в разграничении типов частиц. В КБЯ частицы не были объектом лингвистического исследования, поэтому анализ вводно-модальных частиц не входит в сферу интересов данной статьи. Мы затронули эту тему в связи с тем, что она часто упоминается в различных источниках по тюркологии совместно с эвиденциальными показателями.

Согласно результатам нашего исследования, в КБЯ наличествуют определенные лексические и лексикограмматические средства, позволяющие констатировать различные эвиденциальные значения. Семантическое поле исследуемых подвидов эвиденциальности имеет довольно значительный объем и достаточно много специфических способов выражения, которые вербализуются в языке разнообразными средствами.

Проведённое исследование позволило сделать следующие **выводы**.

1. Для выражения значения «цитатив» в большинстве случаев употребляются вводные предложения, предложно-именные конструкции, указывающие на источник получения информации, и вводные конструкции с предикатами мнения и суждения. Прямая речь, непосредственно передаваемая с помощью слов автора, всегда располагает предикативами передачи.

2. В выражении инференциальных значений эвиденциальности участвуют вводные предложения, в состав которых входят вводно-модальные слова и глаголы, а также изъяснительные конструкции с постпозитивными предикатами, представленными глаголами речи.

3. Эвиденциально-адмиративная семантика передается специальными конструкциями, обладающими способностью давать качественную характеристику предмету высказывания, и модально-эвиденциальными лексемами.

Наряду с вышеуказанными средствами в исследуемом языке имеется значительный объем средств репрезентации перцептуальной эвиденциальности. Они представляют собой неизменяемые слова – частицы, часто – сложносоставные, исследование которых, на наш взгляд, открывает ряд **перспектив для дальнейших научных изысканий**.

Список источников

1. Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка / АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973. 350 с.
2. Аппаев Х. Къара кюбюр. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1986. 325 с.
3. Астахова Т. Н. Корпусное исследование предложных групп с эвиденциальным значением «пересказывательность» в прессе Германии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2018. Т. 16. № 2. С. 48-56.
4. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР. М. – Л.: АН СССР, 1950. Вып. II. С. 38-79.
5. Грамматика карачаево-балкарского языка / под ред. Н. А. Баскакова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1966. 399 с.
6. Ефремов Н. Н. Средства выражения косвенной эвиденциальности в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 152-156.
7. Ефремов Н. Н. Эвиденциальность в тюркских языках (на материале якутского языка) // Филологические науки. Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 329-331.
8. Кагиева Н. М. Къарча. Черкесск: Карач.-Черк. книжное изд-во, 1994. 240 с.
9. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. К вопросу о выражении эвиденциальных значений: инферентив, цитатив и адмиратив в русском языке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2019. № 2. С. 22-30.
10. Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева, Х. И. Суюнчева. М.: Рус. яз., 1989. 832 с.
11. Кобрин О. А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1 (004). С. 86-98.
12. Козинцева Н. А. Косвенный источник информации в высказывании // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. СПб.: Наука, 2007. С. 85-103.
13. Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. СПб.: Наука, 2007. С. 6-36.
14. Козловский Д. В. Дискурсивное пространство категории «эвиденциальность» в лингвосинергетическом аспекте: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2013. 22 с.
15. Козловский Д. В. Классификация видов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации в пространстве современного художественного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (81). Ч. 2. С. 333-337.
16. Козловский Д. В. Классификация видов эвиденциальности на основании невербальных маркеров ситуации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24). Ч. 1. С. 99-103.
17. Козловский Д. В. Лексические средства передачи модусных параметров категории «эвиденциальность» // Язык и мир изучаемого языка: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ, 2011. Вып. 2. С. 140-147.
18. Кошева А. Ш. Функционально-семантическое поле модальности в разносистемных языках (на материале английского и карачаево-балкарского языков): дисс. ... к. филол. н. Нальчик, 2006. 192 с.
19. Кубанов Д. Х.-А. Таулада Тауш. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1989. 328 с.

20. Лайпанов С. З. Песня Бырмамыта. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1987. 280 с.
21. Падучева Е. В. Эвиденциальные показатели и их режимы интерпретации [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evidentsialnye-pokazateli-i-ih-rezhimy-interpretatsii> (дата обращения: 21.06.2020).
22. Тадыкин В. Н. Причастия в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1971. 169 с.
23. Трофименко О. А. Эвиденциальность в корейском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 4 (8). С. 140-147.
24. Шакирова Р. Д. Инференциальная эвиденциальность и ее разновидности в современном немецком языке // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2. Ч. 2. С. 89-93.
25. Aikhenwald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 480 p.
26. Friedman V. Admirativity: Between Modality and Evidentiality // Sprachtypologie und Universalienforschung. 2005. Bd. 58. № 1. S. 26-37.
27. Peterson T. Evidence from Evidentials // Working Papers in Linguistics. 2010. Vol. 28. P. 1-7.
28. Wiemer B., Plungjan V. A. Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen // Wiener Slawistischer Almanach. München – Wien: Otto Sagner, 2008. Sonderband 72. S. 239-284.

Specificity of Expressing Evidentiality and Mirativity in the Karachay-Balkar Language

Kosheva Astra Shagabanovna, PhD
North Caucasian State Academy, Cherkessk
kosheva57@bk.ru

The paper aims to identify linguistic means expressing evidential meanings in the Karachay-Balkar language. The research objective includes analysing lexical and lexico-grammatical means explicating evidential meanings. Scientific originality of the study lies in the fact that linguistic means expressing evidential meanings in the Karachay-Balkar language are for the first time described on the basis of modern theoretical approaches. The author justifies the thesis that the Karachay-Balkar language possesses lexical and lexico-grammatical means of expressing evidential-mirative meanings represented by introductory modal words, word combinations and introductory sentences. The findings indicate that in comparison with other related languages, the Karachay-Balkar language has a developed system of means to express evidentiality.

Key words and phrases: evidentiality; explication; connotation; lexical means; mirativity; introductory modal words; introductory sentences; Karachay-Balkar language.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.49>

Дата поступления рукописи: 25.08.2020

Цель исследования – выявить особенности названий гостиниц города Якутска с точки зрения структуры, семантики и функций. В статье характеризуются структурные типы, способы образования этих эргонимов, приемы, осложняющие каждый из способов, приводится тематическая классификация эргонимов с указанием их функций. *Научная новизна* заключается в том, что названия гостиниц города Якутска впервые рассматриваются в структурно-семантическом и функциональном аспектах. *В результате* выявлены продуктивные способы образования названий гостиниц города Якутска, наиболее распространенные осложняющие приемы, семантические признаки, приоритетные для номинации, функции, свойственные эргонимам определенной семантической группы.

Ключевые слова и фразы: ономастика; эргонимы; названия гостиниц; структурно-семантические особенности.

Олесова Антонина Петровна, к. пед. н., доц.

Захарова Диана Дмитриевна

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск

olesovaantonina@mail.ru; denhhhhh14@gmail.com

Особенности названий гостиниц города Якутска

Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние десятилетия городской ономастикон является объектом пристального внимания исследователей, что вызвано активным пополнением языкового пространства города эргонимами – собственными именами делового объединения людей (союз, организация, учреждение, корпорация, предприятие, общество, заведение, кружок) [10], их значимостью в формировании языковой картины города, в создании имиджа фирмы, ее продвижении.

В центре внимания лингвистов эргонимы разных видов: названия городских коммерческих предприятий – эргоурбонимы, зданий – ойкодомонимы, торговых предприятий – эмпоронимы, фирм – фирмонимы и др. Так, Т. А. Кадола [3] рассматривает эмпоронимы Абакана, Э. К. Сагилова и Т. В. Попова [13] – эмпоронимы Екатеринбургa, Хоанг Тхи Хонг Чанг [18] – названия заведений ресторанного бизнеса Москвы (исследователем предложен термин *рестороним*), О. В. Рыбальченко и Т. В. Федотова [12] – названия гостиниц Краснодарa (исследователями предложен термин *отелоним*).